

*В.М.
Риминин*

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

Ф. М. Решетников

Филармонический концерт

Недавно я обедал в одной из петербургских кухмистерских. По окончании обеда я стал читать газету, но так как в комнате было много народу и каждый человек был уже навеселе, то чтение казалось не совсем удобно: крупные происшествия врезывались в голову; газету приходилось класть назад потому что рассказы людей были интереснее печатного. Наконец меня заинтересовал один господин, недавно пришедший. Он был среднего роста, одетый в пальто неказистой формы, так что сразу можно было в нем отличить человека мастерового, на голове мерлушчатая шапка. Лицо его было избито и обезображено так, что сразу можно было подумать, что этого мастерового избili на каком-нибудь вечере при получении денег.

В нашей кухмистерской обедают люди почтенные, и потому многие из обедающих подозрительно взглянули и обезображенную физиономию вошедшего, когда он велел подать себе обед и потом сел к одному пустому столу, охая при каждом повороте головы, при движениях руками.

— Да у те есть ли деньги-то? — спросила его разбитная женщина.

— Есть... дайте... если можно, — проговорил он больным голосом и вынул деньги.

Сидевший за противоположным окном мастер-немец, лицом к нему, спросил его:

— Угостили хорошо?

— Нафилармонили, — произнес избитый.

— Где же?

— На филармоническом вечере.

— На каком? — спросили двое господ в меховых пальто собиравшихся уже выходить.

Избитый повторил сказанное.

— Да мы сами там были. Это было седьмого января, в дворянском собрании.

— Да. Восьмого января такого-то года была моя свадьба, но на ней не было такой филармонии.

— Странно... мы были сами, но у нас рожи не избиты.

— То-то што вы были в дворянском собрании, слушали музыку настоящую, а я вместо дворянского собрания попал сперва в участок, а потом в часть, и надо мной была исполнена такая отличная музыка, о которой всю жизнь не забудешь.

— Должно быть, ты был где-нибудь около части, а не дворянского собрания?

— То-то и есть, что я дворянское собрание, то есть дом-то, только едва-едва разглядел... Да! славный был вечер. Сегодня ходил в баню, попарил синяки, да что-то плохо помогло. Придется, верно, похворать недельку-другую... Буду я об этом вечере, буду я о нем

вспоминать всю жизнь... Но вам, господа, не советую, когда вы будете немножко выпивши, как был и я седьмого числа, искать развлечений: как раз угодите на такой вечер.

— Но как же тебя черти угораздили попасть на такую комедию?

— Очень просто. Слыхал я, что седьмого января будет в дворянском собрании филармонический вечер или концерт, — право, забыл. Знал я только, что там будет хорошая музыка и пение, но не знал, когда начало. Раньше я не ходил брать билета, потому что у меня не было времени, а живу я от дворянского собрания за четыре версты; такие же газеты, в которых можно узнать о концерте, не всегда достанешь, если имеешь много работы и тебе некогда часто расхаживать по кухмистерским. Ну вот седьмого января, в это незабвенное для меня число, я отправился к дворянскому собранию. Надо вам заметить, что у меня время дорого, я машинист, и если я поехал, то, значит, у меня было свободное время, и я этим временем располагал как умел. Но черт меня сунул зайти в портерную и выпить две кружки пива, отчего я и засиделся в портерной до шести часов. Ну, думаю, если я теперь не поеду, то мне, пожалуй, и не удастся в другой раз послушать филармонического концерта. Надо будет во что бы то ни стало добыть билет. Поехал. Приезжаю. Около собрания стоят кареты. Ну, думаю, еще приехал рано, и на хорах мне придется претъ. Тут я спохватился, что я забыл очки, но чтобы не опоздать покупкой билета, я подхожу к одному подъезду и спрашиваю городского:

— Куда на хоры?

— Билет!

— Покажите, где можно получить билет.

Но городской пошел отгонять извозчика, и я пошел в другой подъезд. Отворивши двери, я увидел много уже одевающихся людей и, думая что я попал не туда, пошел в третий подъезд, но там меня схватил за рукав полицеймейстер.

— Куда?

— На концерт.

— Кто такой?

— Мастеровой.

— Ты, братец, пьян, — не знаешь, куда лезешь. Городовой, взять его в участок!

И меня городской повел в участок.

И начал я скорбеть!.. Горько мне стало; лучше бы дома поиграть на гармонии, чем разыскивать, дураку, концерты

— Это куда же вы меня ведете? — спросил я городского.

— Узнаешь — куда! Увидишь филантропию... Мы тебя поучим, как по дворянским собраниям шляться.

— Послушайте... Да ведь я хотел за свои деньги слушать.

— Ну-ну... иди, знай, вперед! — И он толкнул меня потом взял извозчика.

Што же это такое? Пиво, што ли, бродит в моей голове Нет! городской сидит рядом, смотрит как-то неприятно на меня, считая меня за мазурика.

— За что же меня взяли-то? — спросил я городского.

— Не ругай полковника.

— Разве я ругал? И как вам не стыдно говорить-то это?

— Ты, братец, не ругайся... Нынче... Но он не кончил — мы подъехали к подъезду участка. Городовой мне велел подниматься по лестнице. Поднялся. Узкая прихожая с полукруглым окном в канцелярию, что-то вроде стола и люльки — вероятно, диван с провалившей подушкой. Из канцелярии вышел высокий человек в эполетах.

— Откуда? — спросил он городского. Тот сказал.

— Кто ты такой? — крикнул на меня офицер так, что как будто я убил человека.

— Мастеровой... Я шел слушать филармонический концерт.

— А! — И я был оглушен здоровою оплеухой, от которой меня отшатнуло в сторону.

— Што вы деретесь-то? — сказал я.

Но я был оглушен уже двумя офицерскими оплеухами.

— Он полковника обругал пьяницей, — пояснил городской.

— А! ты так! Вот... вот... Бей его мерзавца! Бей его до полусмерти!

И меня били жестоко. Я лежал на полу и только молился: господи, укроти филармонию... Никогда больше не стану разыскивать хороших концертов.

Слава богу, оставили целого, но сильно измятого.

Наконец городской повел меня в часть; но мы шли немного, городской взял извозчика. От городского я узнал, что филармонический концерт уже давно окончился, и тут-то я спохватился, что я сунулся в воду, не спросясь броду. Городовой был вежлив и сообщил мне, что меня, быть — может, и выпустят завтра.

О, роковое это слово «быть может»!

— А бить будут? — спросил я городского.

— Накладут...

— Но за что? за что, господи! — возопил я.

Долго мы ехали от участка в часть; много миновали мы народу. Весь хмель у меня прошел от побоев стыдно мне было людей, тех людей, которые шли пешком. Попадались даже и пьяные, и я бы дорого дал городовому, если бы он мен пустил, но городской помалчивал, и извозчик говорил про меня: «Знать, впервые привелось на саночках кататься. Ишь, любите даром ездить, мазурики эдакие!.. Пусти тебя пешком — небось убежишь ведь!..»

Было уже темно, как мы приехали в часть; но здесь уже угощение было получше.

Сперва меня ударил городской за то, что я не стал платить извозчику деньги. И, отняв у меня портмоне, сам рассчитался с извозчиком, потом портмоне возвратил мне.

— При бумаге из участку... Обругал полковника, — сказал городской дежурному.

— Ты?.. ты обругал! — закричал дежурный офицер, сопровождая слова ударами.

Я молчал. Тут было людно, мрачно. Голова моя и бока мои начали болеть.

— Што ж ты молчишь? — крикнул другой, по-видимому из подчасков, ударив меня в шею так, что я толкнулся на что-то твердое, но оттуда тотчас же отскочил от удара в угол.

— Как вы смеете драться? — крикнул я с остервенением, но меня вытолкали в дверь на двор и через три минуты втолкнули с побоями в темную, большую грязную, вонючую избу не избу, комнату не комнату, подвал не подвал, освещенный лампой с керосином. В ней слышалось множество голосов, в нее доходили откуда-то песни, свистки, ругань.

— Вот тебе и филармония! — проговорил я.

— Зададим мы тебе гармонию. Раздеть его! — крикнул дежурный городской.

Я не стал давать своей одежды, но я не знал полицейских порядков: я был здесь как игрушка, как котенок, которого ребятишки пичкают и таскают за хвост как угодно. Так над моей особой излаивались отличным образом, колотя в щеки, по голове, в грудь — и особенно в шею. И я молчал, думая: скоро ли они мне отведут квартиру? Но долго еще сопровождалось отрезвление. С меня было снято все, кроме рубашки и подштанников, но зато теперь больнее были удары, голые мои ноги зябли от холодного сырого пола.

Думал ли я когда-нибудь попасть так неожиданно в этот вертеп?

Наконец меня втолкнули в удушливый темный коридор, по обеим сторонам которого сквозь деревянные решетки едва мелькал огонь и откуда выглядывали, как призраки в тумане, люди в рубахах или рваных поддевах. По обеим сторонам народ говорил, ругался, по коридору кто-то ходил и сопровождал меня ударами до двери в одну камору, называемую мышеловкой. Эта камора — сажени полторы длины, около сажени ширины и сажени полторы вышины, с полукруглым окном почти около потолка над нарами, устроенными на пол-аршина от полу, с когда-то крашенными охрой стенами, с отстающей уже штукатуркой, с грязным полом, на который постоянно плюют, — была пропитана махоркой и другим запахом. Камора освещалась изломанной лампой; в каморе топилась печь; у двери висело ведро с водой. Камора была набита людьми: народ сидел и лежал на нарах, лежал под нарами, сидел на полу, стоял около стен.

— Пьяницу привели! спрыски надо делать, — кричали арестанты.

Я стоял среди полу; меня не пускали ни на нары, ни под нары, ни на пол.

— Дайте барину подушку! И меня ударили в шею.

— Братцы, меня уже много били! — сказал я, плача.

— Дайте ему платочек слезы утереть.

Я не буду описывать вам всего подробно, как меня били. Но в каморе били меня немного. Я сказал арестантам, что у меня есть деньги, которые отобрал от меня дежурный, и обещался дать им рубль перед выпуском. За это мне дозволили лечь на нары и даже давали покурить табаку. Но с непривычки, братцы мои, да еще избитому не очень-то приятно лежать на голых досках, подложивши под голову кулак. Но еще неприятнее вместо филармонического концерта попасть в мышеловку.

Камора наша не запиралась на замок, и так как она находилась рядом с отхожим местом, то дверь отпирали часто; к нам приходили посетители, которые приходили посмотреть на пьяницу, но я лежал, прикинувшись очень больным.

— Саданите его хорошенько, чтобы он чувствовал, каково в часть попадать.

— Чувствую, други! Ох, как чувствую... Едва жив.

— Не беспокойся — не убьют. Здесь бьют ловко, умеючи. Хорошу ли ты науку-то прошел?

— Хорошу.

— То-то. От нас еще достанется — свезут в больницу, а потом и па кладбище.

— Да разве они смеют бить?

— Толкуй. Место такое, што бить можно: начальство не побьет, мы побьем.

После ужина пришел дежурный посмотреть меня.

— Жив ли ты? — спросил он у меня.

— Не бей меня, ради Христа, — взмолился я.

Но он повернулся, а потом проговорил арестантам:

— Берегите его! смотрите... что будет, донести мне, — и он ушел.

— Ловко же они его побили.

Немного погодя по коридору разнесся чей-то вой.

— Пьяницу обивают! — кричали с радостью арестанты.

— Неужели здесь, в участке и в части, начальство всегда бьет пьяниц?

— Вырезвляют отлично! В другой раз не захочешь.

— Еще бы!

Пришел другой пьяница, но его лицо было не избито. Он плакал и говорил, что у него нет ни копейки денег, и его не пускали даже на пол.

— Ты не на концерт ли ходил? — спросил я товарища, когда меня вновь прибывший арестант из тутошних стащил с нар.

— Нет! городского обругал.

Я рассказал свои похождения, и арестанты прозвали меня филармонией.

Ночь я пролежал под нарами, где даже и повернуться было нельзя и куда сверху в щели плевали старосты и хозяева этой каморы. Такое удовольствие мне досталось еще потому, что я обещал арестантам деньги, но другого пьяницу арестанты довели до того, что он ушел жаловаться дежурному, который и велел ему ночевать где-то в коридоре.

А очень приятно лежать под нарами, особенно когда арестанты поют песни... Хоть эти песни не совсем хороши, но их слушаешь даром; а в дворянском собрании мне на хоры пришлось бы заплатить рубль да, кроме того, платить за одежду...

Утром я получил свою одежду и облекся в нее. Не украли ее; даже платок был в целости, только я никак не ожидал, что спину моего пальто разрисуют мелом так, что без щетки этот круг с крестом в середине никак не сотрешь. И вот с этим крестом на другой день мне пришлось, прежде получения свободы, исходить пол-Петербурга, от части к двум участкам, и

прийти с ним домой.

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу рассказа «Филармонический концерт» положен случай из жизни самого писателя. По стилю — это вполне законченное произведение типа сценки или зарисовки с натуры. Но это не умаляет его идейно-художественной значимости. В повествовании Решетникова отчетливо обозначен нравственный суд над российской действительностью.

Какой? В чем он проявляется? И разве не творил суд писатель-демократ в других своих произведениях? Конечно, он и раньше осуждал всяческий произвол и любые проявления социальной несправедливости, но обычно не затрагивал политических проблем.

Здесь же Решетников в случайном по видимости происшествии коснулся главного вопроса той поры. Самодержавие отменило в 1861 году крепостное право. «Царь-освободитель» Александр II дал народу «волю». Но что изменилось в России? Изменилось ли самодержавие? Стала ли власть «гуманной» и соблюдает ли она права народа — ну, хотя бы право на свободу от битья, от физических наказаний?

Ничего не изменилось! Так утверждает Решетников. Частный как будто бы случай обобщается и свидетельствует о том, что произвол над народом — это и есть основная функция самодержавного государства. Полиция по малейшему поводу хватает «провинившихся», не утруждая себя поисками и доказательствами вины. Полицейские возводят напраслину и нагло лгут. А их начальники задают пример рукоприкладства. Уголовники в камере, куда отправляют «протрезвиться» задержанного, также издеваются над ним: они оказываются, в сущности, необходимым элементом в этой «школе» запугивания людей независимых и с чувством собственного достоинства. Закономерно, что «Филармонический концерт» возбуждал у читателей той поры не только сочувствие к угнетенным, но и ненависть к угнетателям. * * *

«Филармонический концерт» — печатается по изданию: Решетников Ф. М. Избр. произведения в 2-х т., т. I. М., 1956, с. 590–597. Впервые был опубликован в газете «Новое обозрение» (Тифлис, 1884, № 48, 18 февр.). В основу очерка, как полагал Г. И. Успенский, был положен случай из жизни самого Решетникова.

С.Е. Шаталов